

Глава 6: Забывание живых свай

Цэнь Цзинь отдернул ногу, и смех тут же прекратился, словно его и не было. Но он знал, что ему не показалось.

Помедлив пару секунд, он сделал два шага вперёд и остановился в тени Столпа священного пути. Прислушался. Ни детского смеха, ни ледяного ветра — вокруг царил жуткая тишина.

Цэнь Цзинь осмотрел первый Столп священного пути. Две круглые каменные колонны, высотой около двух метров и диаметром около сорока сантиметров, стояли в двух метрах друг от друга. Поверхность колонн была испещрена вертикальными бороздами. На вершине — каменная плита с незнакомыми рунами, а над ней — свирепое существо-хранитель гробницы.

Это существо было ростом с ребёнка, с телом цвета сажи, ушами слона, длинными руками и красными когтями. В своей клыкастой пасти оно держало половину детского тела. Вид у него был крайне уродливый и злобный.

Столпы священного пути служили указателями пути к храму или гробнице, означая, что, пройдя через них, ты вступаешь на небесный путь, путь мёртвых. Если впереди храм — ты вступаешь в божественные владения, если нет — в царство демонов.

Проблема была в том, что на вершине Столпов священного пути обычно служили благоприятные символы, а здесь — хранитель гробницы.

Хранителей гробниц обычно помещали внутрь усыпальницы для защиты от злых духов и охраны покоя усопшего. Причём, в одной гробнице мог быть только один хранитель, иначе они начинали сражаться друг с другом, нарушая покой.

А здесь — бесчисленное множество Столпов священного пути и хранителей гробниц. Это было странно, злобное и нелогично. Казалось, эта запретная зона — огромное древнее кладбище, где каждый Столп священного пути — это отдельная гробница, в которой запечатана ужасная аномалия.

Цэнь Цзинь всмотрелся в надпись на плите. Четыре строки, написанные не привычными ему иероглифами, а более округлым и сложным письмом «дачжуань».

Дачжуань сильно отличался от современных иероглифов, но Цэнь Цзинь, угадывая и предполагая, смог разобрать примерный смысл: это была плодородная земля, на которой жили люди, но в лесу обитало некое жестокое зло. Чтобы подавить его, были воздвигнуты Столпы священного пути и хранители гробниц, в надежде искоренить зло.

Но каждый раз, когда строительство Столпа священного пути подходило к концу, оно по необъяснимым причинам рушилось. Чтобы решить эту проблему, пришлось прибегнуть к

методам предков, и наконец наступили мир и спокойствие.

Дата установки: март, третий год Республики.

— Методы предков... какие методы?

Надпись в двух словах объясняла причину постройки священных столпов, но о «методах предков» говорила уклончиво, вскользь.

Цэнь Цзинь вспомнил формулировку задания. Он надеялся, что его догадки неверны.

Он подошёл ко второму Столпу священного пути. Надпись на плите была такой же, только дата изменилась с республиканского периода на сорок пятый год правления Цяньлуна династии Цин. Затем третий, четвёртый... У тринадцатого Столпа священного пути, датированного каким-то годом династии Юань, надпись изменилась.

— «Мудрое слово пророка, пришедшее от вертикальноглазых... что-то про подношение детей? Поместить в центр сваи, залить известью. Люди боролись за это, шумели и суетились», — нахмурился Цэнь Цзинь. — «Значит, какой-то пророк сказал местным жителям, что некое существо, выдававшее себя за бога... или, возможно, и вправду аномалия, прикинувшаяся божеством, выбрало мальчиков и девочек для жертвоприношения, чтобы помочь подавить зло. Люди посчитали это благом и наперебой отдавали своих детей?»

Смысл был примерно таким, за исключением некоторых ключевых слов, которые он не мог ни разобрать, ни угадать. Например, что такое «вертикальноглазые», кто такой «пророк», как выглядело «божество», выбиравшее детей... С его скудными знаниями он пока не мог этого понять.

Начиная с этого Столпа священного пути и дальше, на каждом была фраза «мудрое слово пророка». Значит, это и были те самые «методы предков», о которых говорилось на первых двенадцати столпах.

Цэнь Цзинь остановился посреди колоннады. Перед ним и за ним простирались ряды изящных Столпов священного пути. Если не задумываться об их ужасном предназначении, это сооружение можно было бы назвать величественным и представляющим огромную историческую ценность.

Каждый Столп священного пути представлял определённую династию, и десятки столпов, стоящих рядом, образовывали своего рода коридор времени.

Шаг вперёд, шаг назад — и ты перемещаешься на сотню лет.

Если бы эту колоннаду открыли для публики, она бы произвела фурор в мире археологии.

Цэнь Цзинь вздохнул. Дойдя до этого места, он собрал достаточно информации, чтобы попытаться найти выход.

Надписи на плитах в сочетании с заданием показывали, что с древних времён жившие здесь люди пытались подавить жестокое зло, строя Столпы священного пути и устанавливая хранителей гробниц.

Но строительство постоянно терпело неудачу. Тогда появился пророк, который сказал людям приносить в жертву детей, и после этого столпы удалось воздвигнуть.

В древнем строительстве существовал жестокий обычай: если стройка по необъяснимым причинам терпела неудачу, считалось, что потревожены духи земли, и для их умиротворения в основание постройки заживо замуровывали человека. Дети, с их невинностью и чистотой, считались лучшей жертвой.

Этот обычай, известный как «забивание живых свай», был распространён по всей Азии и также назывался «человеческий столб» или «живой фундамент». Есть версия, что он происходит из утерянной второй части «Книги Лу Баня», но правда это или нет, неизвестно.

В этой колоннаде было не меньше сотни Столпов священного пути. Значит, в результате этого жестокого обычая погибло более двухсот детей. Неизвестно лишь, к какой династии относится самый древний столп.

Цэнь Цзинь сжал тесак. Шагая вперёд, он мысленно бормотал: «Такая древность, такая глубокая обида... с этим справиться будет труднее всего. Эта запретная зона называется “Плачущее дитя”, и всё здесь связано с детьми. Сто процентов, это человекоподобная аномалия».

Человекоподобные аномалии могут говорить, мыслить, с ними можно общаться, вести дружеские переговоры. Это взаимовыгодно. Надеюсь, «Плачущее дитя» поймёт, какой выбор сделать.

— Конечно, скорее всего, меня просто убьют, — тихо проворчал Цэнь Цзинь.

Он повертел шеей, чувствуя, как она затекла. Спина была тяжёлой, словно на плечах что-то лежало, вызывая ноющую боль в позвоночнике.

Досчитав до девятнадцатого Столпа священного пути, Цэнь Цзинь тяжело дышал от усталости. Подул ледяной ветер, и его пробрала дрожь. Подняв голову, он увидел, что небо затянуло тучами, скрыв солнце. Стало сумеречно, и разглядеть что-либо было трудно.

Густой лес, полная тишина. Ряды Столпов священного пути походили на надгробия. Казалось, на них сидят призраки, молча наблюдая за ним и выжидая момента, чтобы утащить его в

могилу, сделав одним из них.

И без того уродливые хранители гробниц в сгущающихся сумерках выглядели ещё более зловещими и жуткими.

Холодный ветер пронёсся мимо, и в нём послышался смех.

Это был детский смех, едва уловимый, приближающийся издалека, но в то же время казавшийся совсем близким.

— Хи-хи...

Череди смешков вместе с порывом ледяного ветра ворвалась в уши. Смех одного ребёнка ещё можно было бы назвать милым и приятным, но смех целой группы детей звучал пронзительно и резал слух.

Особенно когда этот смех становился всё громче и пронзительнее. К тому времени, как Цэнь Цзинь досчитал до двадцать первого Столпа священного пути, смех уже сверлил ему мозг. Он походил то на безумный визг, то на душераздирающий плач из сломанного радио. Барабанные перепонки пронзила острая боль, словно пила пилила его мозг.

Цэнь Цзинь покрылся холодным потом, его лицо побледнело.

Тьма, одиночество, холод. Крайняя боль и обида вместе со смехом ворвались в его сознание. От этого мощного удара у Цэнь Цзиня начались галлюцинации.

Чёрные горы. Группа древних людей, молча идущая по горному хребту. Кто-то нёс строительные материалы, кто-то — длинные бамбуковые палки. Пройдя долгий путь, они наконец остановились на поляне и стали смотреть на вершину горы.

Цэнь Цзинь смутно ощутил себя стоящим в толпе, окружённый взрослыми. Рядом с ним была радостная девочка. Взрослые поместили его и девочку в центры двух круглых оснований для колонн. Старик впал в экстаз и начал что-то бормотать на непонятном древнем языке, падая на колени. Толпа за ним с грохотом опустилась на колени, их лица выражали фанатичную преданность.

Впереди стоял мужчина средних лет с козлиной бородкой, его лицо было нечётким. На нём было простое шаманское облачение, а на голове — яркая маска демона с выпученными, вертикально расположенными глазами. Плечи и пояс были украшены яркими птичьими перьями.

Он воздел руки к небу и начал нараспев произносить странные слова на древнем языке. Небо тут же затянуло тучами, подул сильный ветер, земля затряслась. Казалось, из-под земли вот-

вот вырвется неведомый гигантский зверь, его рёв разрывал недра земли.

От этого рёва у Цэнь Цзиня душа ушла в пятки, но остальные присутствующие, казалось, не обращали на это внимания. Напротив, они восприняли это как знамение и стали ещё больше почитать пророка с козлиной бородкой, преклоняясь перед ним, как перед богом.

Ребёнок, увидев это, захихикал.

Взрослые пришли в восторг, трижды поклонившись до земли.

Цэнь Цзинь ощущал абсурдность происходящего и хотел бежать, но не мог управлять своим телом. Он ясно чувствовал, как вибрируют его голосовые связки, и слышал собственный смех.

Затем подошли двое дюжих мужчин с деревянными воронками. Они вставили их Цэнь Цзиню в рот. Цэнь Цзинь знал, что они собираются делать. Его истинное «я» отчаянно боролось, кричало, но было заперто в маленьком теле, которое с любопытством и радостью ожидало предстоящего ритуала.

Ведь родители сказали ему, что он отправится в мир бессмертных, где есть всё, чего только можно пожелать, и он обретёт вечное блаженство.

Другой дюжий мужчина вылил в воронку грязно-белую известковую смесь. Она потекла по воронке в рот, в горло, по пищеводу в желудок. Когда ведро с известью опустело, его внутренности были полностью заполнены известковой смесью. Она быстро застывала, затвердевала, разрушая кишечник и внутренние органы, превращая живого человека в статую. Только тогда эта ужасная пытка прекратилась.

Кто-то крикнул на древнем языке. На этот раз Цэнь Цзинь понял:

— Заливать!

Нет! Он ещё не умер!

Вас обманули, нас обманули, вы обманули нас!

А-а-а, как больно!

Сознание Цэнь Цзиня кричало. Ещё в тот момент, когда известковая смесь хлынула в горло, он и девочка напротив начали кричать от боли, отчаянно извиваясь, но всё было тщетно. Как ребёнок может противостоять толпе взрослых?

Густая известковая смесь лилась сверху, полностью замуровывая их. Спустя долгое время люди, как приливная волна, отхлынули. Наступила мёртвая тишина. Их оставили здесь, забыли. Столетия, тысячелетия... боль становилась всё сильнее, ненависть — всё глубже. Пока однажды они вдруг не открыли глаза...

— Кха-кха!

Цэнь Цзинь упал на колени, мучительно кашляя и хватаясь за грудь. История Столпов священного пути и забивания живых свай оказалась такой, как он и предполагал. Изначально они пытались подавить «зло» из подземного водохранилища. Позже, обманутые пророком, они поверили, что, принося в жертву детей, отправляют их в мир бессмертных.

Этот жестокий обычай продолжался до времён Республики. Когда подземное водохранилище вошло в активную фазу, оно загрязнило копившуюся веками обиду в колоннаде, породив аномалию под названием «Плачущее дитя».

Точнее, её следовало бы называть «Обиженное дитя». Она состояла в основном из мучительной боли детей, которых заливали известью, а носителем служили их тела внутри каменных столпов.

Неудивительно, что аномалия в этой тысячелетней колоннаде, похожей на огромное кладбище, была всего лишь второго уровня опасности. Оказалось, она была заражена только во времена Республики.

Цэнь Цзинь вдруг почувствовал ледяной холод на спине. Опустив глаза, он увидел, что его шею обвила пара маленьких серо-зелёных ручек. В отражении на блестящей поверхности тесака он увидел на своей спине ребёнка с иссиня-чёрной кожей. Её глаза были полностью серо-белыми, а лицо покрывали бесчисленные трещины, как у склеенной фарфоровой куклы.

Цэнь Цзинь, уже переживший преследования лесничего и двух тварей из Хижины в лесу, лишь отметил про себя, что тот был довольно милостивым.

Обиженное дитя:

— Хи-хи, — обнажила острые чёрные зубы.

Цэнь Цзинь с унылым лицом:

— Не смейся, зубы видно.

Обиженное дитя:

— ?

Цэнь Цзинь:

— Настоящая красота — в улыбке без показа зубов.

Обиженное дитя:

— ...

Оно поползло вперёд, пытаясь заставить Цэнь Цзиня обернуться. Но Цэнь Цзинь упорно смотрел прямо перед собой, чем немного сбил её с толку. Обычно люди, столкнувшись с ним, в страхе постоянно оглядывались, теряли рассудок и пытались его сбросить.

Обиженное дитя из любопытства вытянула шею, её голова почти коснулась щеки Цэнь Цзиня. Она крепко вцепилась ему в шею и уже собиралась заглянуть ему в лицо, как вдруг остановилась. Посмотрев вниз, она встретилась взглядом со своим отражением на лезвии тесака.

— Я повар, поверишь? — неловко улыбнулся Цэнь Цзинь.

Обиженное дитя внезапно пришло в ярость и пронзительно закричало:

— А-а-а-а!

Цэнь Цзинь чуть не выронил тесак. Голову снова пронзила острая боль. И что самое ужасное — из каждого Столпа священного пути выползло по ребёнку с серо-зелёной кожей. На их лицах застыло выражение, похожее одновременно на плач и смех. Они злобно и безумно смотрели на него, словно гиены, готовые броситься и разорвать на части.

Он вспомнил слова из задания: «неси куклу, не оглядывайся, девяносто девять шагов — и ты в мире людей». Вероятно, это и была та ситуация.

Если бы на спине сидел только один ребёнок, можно было бы, стиснув зубы, пройти девяносто девять шагов. Но когда тебя окружает толпа детей, сверлящих тебя ненавидящими взглядами и медленно сжимающих кольцо, требуется огромное мужество, чтобы пройти это испытание.

— Я не хотел тебе зла, — сказал Цэнь Цзинь, пытаясь, несмотря на боль и обиду, договориться с заражённой, но всё же человекоподобной аномалией. — Я тоже испытал ту же боль, что и вы, меня тоже заливали известью.

Боль можно было стерпеть, но он чуть не задохнулся.

Экзаменаторы из Ми-Да, рассказывая о Плачущем дитя, почему-то упустили такую важную деталь, как способность ввергать людей в иллюзию смерти. Вряд ли они могли совершить такую ошибку. Может быть, это тоже часть экзамена?

Цэнь Цзинь был в замешательстве. Он не знал, что, кроме него, никто из студентов, попавших в эту запретную зону, не видел иллюзии смерти.

— Я вас понимаю. Я думаю, мы можем стать хорошими партнёрами. И вообще, я хороший человек, во мне столько любви, что девать некуда.

Обиженное дитя перестала кричать, но руки, сжимавшие шею Цэнь Цзиня, стиснулись ещё сильнее.

Чувствуя, что задыхается, Цэнь Цзинь быстро заговорил:

— Я могу помочь вам избавиться от Хижины в лесу, то есть от одноглазого монстра и длинноволосой безликой женщины, которые часто на вас охотятся.

<http://bllate.org/book/13658/1581700>